

Regulation about punishments from March, 27, 1875 appeared more democratic and humane in attitude toward censurable in soldiery correctional companies as compared to previous statutes, especially due to appearance in him of item 109. However and in this case, legal equality of rights of ordinary (mainly peasant) composition of army in bourgeois terms as it applies to legal status of officers and civil office workers was not observed, and class and other social distinctions of office workers remained determining. However, already on «Statute is May, 6, 1878 accepted about disciplinary battalions and companies», and after 158997 a decree went out «About awarding to the return in disciplinary companies in replacements of soldiery ispravitel'nykh mouth». These documents fully replaced the normative acts considered higher and continued to operate in the Russian army enough long time.

Keywords: soldiery correctional companies, Russian empire, decree, regulation, approval of the article.

Spisok literaturyi:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. 5. 1713-1719. – SPb., 1830. – 780 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. I. S 12 dekabrya 1825 po 1827. – SPb., 1830. – 1204 s.
3. Kurabtseva A. P. Reformirovanie voenno-arestantskih rot v 1854 – 1865 gg. // Vlast zakona. – 2016. – №1. – S.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XLII. Otdelenie pervoe. 1867. – SPb., 1871. – 1206 s.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XLII. Otdelenie vtoroe. 1867. – SPb., 1871. – 476 s.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. L. 1875. – SPb, 1877. – 720 s.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. LIII. Otdelenie pervoe. 1878. – SPb, 1880. – 464 s.

УДК: 344.3/462 (470-571)

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ
ВРАЧЕБНО-НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ СТАНЦИЙ В ЧЕРНОМОРСКОМ
РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX В.**

Лесь Г. Г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В работе указывается, что основными нормативными актами регулировавшими деятельность врачебно-наблюдательных станций и постов стали указ от 4 марта 1887 г. о упразднении Редуткальской карантинно-таможенной заставы, указ от 27 декабря 1893 г. о упразднении Петровского карантинно-таможенного поста, указ от 8 июня 1901 г. «По проекту штата пограничных врачебно-наблюдательных пунктов и станций Кавказского края». 20 ноября / 3 декабря 1903 г. была заключена Парижская Международная Санитарная Конвенция, во исполнение решений которой 21 марта 1910 г. приняты законы «О введении новых штатов карантинных учреждений северного побережья Черного моря», 2 апреля 1908 г. «О присвоении служащим и санитарам морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря формы обмундирования, тождественной с установленной для такого же персонала Кавказского края» ; 9 апреля 1912 г. «Об отпуске из государственного казначейства средств на переустройство Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции». Перед самой 1-й Мировой войной новая Парижская конференция 1912 г. установила новый текст Конвенции, действовавший повсюду до 1926 г. Эта последняя конвенция 1912 г. была ратифицирована уже советским правительством и опубликована в СССР в 1926 г.

Ключевые слова: законы, конвенции, врачебно-наблюдательные пункты и станции, карантин, Черное море.

Как общеизвестно, весь XIX и начало XX в. санитарно-эпидемиологическая безопасность Российской империи в Черноморско-Азовском регионе обеспечивалась системой карантинных учреждений. Основными из них были карантинные в Керчи, Феодосии и Одессе. Основные правовые и практические вопросы деятельности данных учреждений на сегодняшний день достаточно подробно исследованы и опубликованы [1-13].

Тем не менее, необходимо обратить внимание на следующее, первоначально карантинные учреждения хотя и были рассчитаны на прием, очистку и дезинфекцию товаров и пассажиров, но основные методы их работы в условиях второй половины XIX, а тем более начала XX вв. весьма устарели. Основными причинами к тому стали: во-первых, значительный прогресс медицинской науки в области борьбы с эпидемическими болезнями; во-вторых, значительный рост пассажирских и грузовых перевозок; в-третьих, мощное развитие паломнического движения мусульман Российской империи через и в весьма неблагоприятные, по санитарно-эпидемиологическим признакам, города и местности принадлежавшие тогда Османской империи.

Справиться с такими потоками паломников не могла уже система карантинных учреждений. Об этом, к стати говоря, много говорилось и на санитарных

конференциях начиная с первой Парижской, однако долгое время международное медицинское сообщество, в том числе и находившееся под влиянием отчасти политики своих стран, не решалось на кардинальную ломку системы. Тем не менее, понимая, что данный процесс неизбежен, правительство России, очевидно, в экспериментальном порядке, решилось на ликвидацию карантинных учреждений в наиболее спокойном, в санитарно-эпидемиологическом смысле, регионе – Кавказе. Дополнительным аргументом к такому шагу было то, что паломники с Кавказа отправляясь в Мекку, так или иначе проходили портовые карантинные.

4 марта 1887 г. было принято решение о упразднении Редуткальской карантинно-таможенной заставы (№4266) [14, с. 95], а 27 декабря 1893 г. упразднили Петровский карантинно-таможенный пост, вместо него открыли таможню 1 класса в том же г. Петровск (№10208) [15, с. 693]. Правда 12 февраля 1896 г. было принято решение «об учреждении в селении Алишарп, Эриванской губернии, карантинно-таможенного поста» (№12524) [16, с. 114], но и оно уже не могло повлиять на общую ситуацию с кардинальным реформированием всей карантинной системы в соответствии с мировыми тенденциями и международными договорами.

8 июня 1901 г. был принят указ «По проекту штата пограничных врачебно-наблюдательных пунктов и станций Кавказского края» (№20351). Согласно ему: 1) действовавшие карантинные учреждения Кавказского края и местную карантинную стражу передали из ведения министерства финансов в ведение МВД, с предоставлением им по взаимному соглашению определить сроки и условия передачи. 2) Для выполнения карантинных обязанностей в Кавказском крае учредили 7 сухопутных врачебно-наблюдательных пунктов (4 первого разряда и 3 второго) и 8 морских врачебно-наблюдательных станций (в том числе 2 центральных), их расположения согласовывалось министром внутренних дел с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе. 3) Комплектование карантинной стражи Кавказского края новобранцами прекращалось с 1 января 1902 г., с постепенной заменой ее нижних чинов служащими врачебно-наблюдательных пунктов и станций. 4) Министру внутренних дел, по соглашению, в необходимых случаях с военным министром, давалось право определить срок и порядок окончательного упразднения Кавказской карантинной стражи. До этого, устанавливался порядок совместного выполнения служебных обязанностей карантинной стражи и служащими врачебно-наблюдательных пунктов и станций. 5) Общее заведывание на месте Кавказскими карантинными установлениями возлагалось на главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, через состоящее при нем управления медицинской частью [17, с. 632]. Кроме того, предписывалось разработать проект временного штата пограничных врачебно-наблюдательных пунктов и станций Кавказского края, которые после утверждения царя вводился в действие с 1 января 1902 г.

Средства на содержание данных заведений переводились в ведение МВД, а с 1 января 1902 г. ежегодно отпускать на них 125580 руб. Лиц, не получивших новые должности, решили оставить за штатом на общем основании [17, с. 632]. Штат новосоздаваемым учреждениям установили следующий: I. Сухопутные врачебно-наблюдательные пункты. 1-го разряда: врачей, заведующих пунктами 4, фельдшеров 4. 2-го разряда: врачей, заведующих пунктами 3, фельдшеров 3. II.

Морские врачебно-наблюдательные станции. 1) Центральные станции: главных врачей 2, младших врачей 4, смотрителей 2, фельдшеров 6. 2) Прочие станции, врачей заведующих станциями 6, фельдшеров: старшего оклада 6, младшего оклада 6.

Учитывая столь незначительный численный состав новой антиэпидемиологической службы, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе предоставлялось право временно командировать чиновников из одного врачебно-наблюдательного установления в иное. Кроме того, на одну из должностей санитаров и на одну из должностей служителя каждого врачебно-наблюдательного учреждения допускалось назначение женщин. При пунктах и станциях, в которых состояло более одного фельдшера, одну из этих должностей также разрешалось замещать фельдшерницей. Оплата за услуги переводчиков производилась по утверждаемой МВД таксе и относилась на канцелярские расходы, а средства необходимые на найм паровых катеров необходимо было запрашивать ежегодно.

Количество санитаров и служителей, а также оклады их содержания (не свыше 300 руб. для санитаров и 240 руб. для служителей) и распределение средств на хозяйственные расходы, устанавливались управлением медицинской частью на Кавказе с утверждения главноначальствующего гражданской частью.

Как видим, данный документ фактически подвел черту более чем вековой деятельности карантинных учреждений в Кавказском регионе, фактически ликвидировав старую систему антиэпидемиологического обеспечения безопасности и заложил основы для создания новой, в виде врачебно-наблюдательных пунктов и станций [3, с. 218-220].

20 ноября / 3 декабря 1903 г. была заключена Парижская Международная Санитарная Конвенция, положившая конец эпохе карантинных учреждений и заложившая основные новые подходы к санитарной охране границ, в том числе и Российской империи в Черноморско-Азовском регионе. Данный документ 15 марта 1905 г. был ратифицирован Россией.

Рассмотрим, вкратце, основные ее положения. Так глава II Конвенции называлась «Охранительные меры, применяемые другими странами против территорий, объявленных зараженными». Ее часть касалась товаров, их дезинфекции, ввоза и транзита, багажа. В ст. 15, в частности, указывалось, что способы и место дезинфекции, так же, как и приемы, необходимые для обеспечения истребления крыс, устанавливаются властями страны назначения. Также каждому государству, подписавшему конвенцию, предоставлялось самому установить в окончательной форме вопрос об удовлетворении на случай могущих произойти от дезинфекции или истребления крыс повреждений и убытков.

Если по случаю мер, принимаемых на судах для обеспечения истребления крыс, санитарными властями взимались сборы или непосредственно, или при посредстве какого либо общества или частного лица, размер этих сборов следовало определять тарифом, заранее объявленным и установленным таким образом, чтобы в связи с его применением не могло произойти источника дохода для государства или Санитарного Управления.

В ст. 17 подчеркивалось, что товары, прибывающие сухим или морским путем, не могут быть задерживаемы на границах или в портах. Если, однако, товары,

прибывающие морским путем без упаковок или в упаковках недостаточных, были во время перехода заражены крысами, признанными зачумленными, и если они не могли быть дезинфицированы, уничтожение зародышей могло быть обеспечено помещением их (товаров) в склад на срок не более 2 недель.

Часть III определяла необходимые меры в портах и на морских границах. В ней, кроме прочего, давалась классификация судов. Так, зараженным признавалось судно, на котором есть чума или холера или на котором был один или несколько случаев чумы или холеры в течении последних 7 дней. Незараженным признавалось судно, которое, прибывая хотя бы из зараженного порта не имело на борту ни смертного случая, ни заболевания от чумы или холеры как до выхода и во время перехода, так и в момент прибытия (ст. 20).

К зараженным чумою судам следовало применять следующие меры: 1) медицинский осмотр; 2) больные немедленно свозятся на берег и изолируются; 3) другие лица должны быть равным образом, по возможности, свезены на берег и подвергнуты со времени прибытия или «обсервации» (слово «обсервация» обозначает: изоляцию пассажиров или на борту судна, или на санитарной станции до получения свободной практики), которая не должна продолжаться более 5 дней и может сопровождаться или нет самое большое пятидневным надзором, или просто надзору, который не может продолжаться более 10 дней. При этом термин «надзор» в данном случае обозначал, что пассажиры не изолированы, что они тотчас получают свободную практику, но что о них сообщается властям разных местностей, в которые они направляются, и они подвергаются медицинскому осмотру, удостоверяющему о состоянии их здоровья.

Санитарной власти данного порта предоставлялось право применить ту из мер, которая ей кажется наиболее соответствующей, сообразуясь со временем последнего случая, с состоянием судна и с местными условиями.

4) Грязное белье, предметы обихода и вещи экипажа и пассажиров следовало дезинфицировать.

5) Части судна, в которых помещались чумные или которые, по мнению санитарной власти, признавались зараженными, следовало дезинфицировать.

6) Уничтожение крыс на судне следовало произвести до или после разгрузки, как можно быстрее. На судах без груза эту операцию необходимо было провести как можно скорее до загрузки (ст. 21).

Суда подозрительные по чуме обязательно подвергались мерам, указанным в пунктах 1, 4 и 5 (ст. 21). Кроме того, экипаж и пассажиры могли подвергнуться надзору, не превышающему 5 дней, считая со времени прибытия судна. Кроме того, конвенция позволяла не допускать высадку экипажа на берег, кроме как по делам службы (ст. 22).

Суда благополучные по чуме получали тотчас свободную практику, каков бы ни был их патент. Единственные мероприятия, которые могла предписывать в отношении их власть порта, в который они прибыли, заключались в следующем:

1) медицинский осмотр;

2) дезинфекция грязного белья, предметов обихода и других вещей экипажа и пассажиров, но лишь в исключительных случаях, когда санитарная власть имеет специальный повод предполагать их зараженность;

3) санитарная власть могла, до или после разгрузки, подвергнуть суда, прибывающие из зараженного порта, операции, имеющей в виду истребление крыс на судне, не устанавливая этой меры как общее правило. Операция эта должна была быть произведена как можно ранее и, во всяком случае, не могла продолжаться более 24 ч., избегая порчи товаров, железных частей и машин и остановки в сообщении пассажиров и экипажа между судном и берегом.

Подлежащая власть порта прибытия могла всегда потребовать под присягой от врача судна или, за его отсутствием, от капитана свидетельство, удостоверяющее, что на судне со времени отхода не было случаев чумы и что не было обнаружено чрезвычайной смертности крыс (ст. 23).

Если же на судне незараженном крысы после бактериологического обследования признавались чумными или если среди этих грызунов будет обнаружена чрезвычайная смертность, то следовало применить такие меры как надзор за пассажирами и экипажем, а также истребление крыс (ст. 24).

Санитарная власть порта обязана была выдать капитану, судовладельцу или его агенту, всякий раз как об этом будет заявлено требование, свидетельство с удостоверением того, что меры по истреблению крыс были выполнены и с указанием, оснований, в силу которых эти меры были приняты (ст. 25).

Статья 26 устанавливала меры по отношению к судам неблагополучным по холере. Соответственно ст. 27 устанавливались меры в отношении судов подозрительных по холере.

При этом конвенцией устанавливалось, что всякому судну, не желающему подчиниться обязательствам, налагаемым властью порта в силу постановлений настоящей Конвенции, предоставляется уйти обратно в море. При этом, ему могло быть разрешено выгрузить свои товары после принятия необходимых мер предосторожности. Ему равным образом могло быть разрешено высаживать на берег пассажиров, которые предъявляли об этом требование, с условием, что они подчинятся мерам, предписанным местной властью (ст. 31).

Что касается судов каботажного плавания, то они должны были подчиняться особому порядку, который следовало устанавливать по взаимному соглашению между заинтересованными странами (ст. 34).

Независимо от права государств вступать между собою в соглашения для устройства общих санитарных станций, согласно условий Конвенции, каждая страна должна была снабдить, по крайней мере, 1 порт на побережье каждого из своих морей устройством и приспособлениями, достаточными для принятия судна, в каком бы санитарном состоянии оно ни было.

Когда незараженное судно, идущее из зараженного порта, прибывало в большой морской порт, рекомендовалось не отправлять его в другой порт для производства предписанных санитарных мер.

В каждой стране порты, открытые для провенансов неблагополучных по чуме или холере портов, следовало оборудовать таким образом, чтобы незараженные суда могли бы в них подвергаться предписанным мерам тотчас по своем прибытии и не были бы отправляемы по этому поводу в другой порт.

Государства, подписавшие Конвенцию, обязывались сообщать во всеобщее сведение о портах, которые у них открыты для провенансов из неблагополучных по чуме или холере портов (ст. 35).

Конвенция рекомендовала, чтобы в больших морских портах было устроено: в) правильное отправление медицинской службы в порте и постоянный медицинский надзор за санитарным состоянием экипажей и населением порта; б) места, приуроченные для действительной дезинфекции, и бактериологические лаборатории; г) снабжение доброкачественной питьевой водой для нужд порта и введение такой системы удаления нечистот, которая представляла бы наибольшую гарантию в санитарном отношении (ст. 36) [18, с. 89-97].

Отдел III Конвенции назывался «Особенные постановления для паломничества». В ее гл. 1 устанавливались общие постановления, а глава 2 посвящалась паломническим судам (ст. 96-99). Конвенцией устанавливались специальные требования к количеству мест на таких судах, наличие и доступность клозетов и воды. Обязательным требованием было наличие на таких судах лазарета (ст. 100), наличие на каждом судне лекарств, дезинфицирующих средства и предметов, необходимых для пользования больных (ст. 102).

И самое главное, каждое судно, принимающее паломников, должно было иметь врача, обладающего установленным дипломом и командированного правительством страны, которой принадлежит судно, или правительством страны, из порта коей забираются паломники [18, с. 103].

Для организации и контроля основных мер, предусмотренных Конвенцией, ст. 165 предусматривалось создание Высшего Санитарного Совета в Константинополе (с представителями государств подписавших конвенцию) [18, с. 115].

В завершающей статье Конвенции (ст. 181), указывалось, что конференция «принимает к сведению приложенные у сего заключения особой комиссии о путях и способах для создания Международного Санитарного Учреждения в Париже, следствии чего, когда Французское правительство найдет удобным, оно обратится дипломатическим путем к Государствам, предоставленным на конференции с предложениями по этому поводу» [18, с. 116].

Внедрение основных положений данной конвенции, не смотря на ее ратификацию в 1905 г. в Черноморско-Азовском регионе Российской империи, очевидно из-за событий 1905 – 1907 гг. затянулось.

Так, к примеру, согласно отчета карантина Феодосии за 1906 г., в него прибыло за год судов 240, из них из неблагополучных портов 97. Деятельность карантина в этом году состояла:

а) в применении установленных санитарных мер в отношении судов заграничного плавания, прибывающих из различных неблагополучных по чуме и азиатской холере местностей;

б) в исполнении санитарных мер, установленных в отношении мусульманских паломников, возвращающихся из Гедраса;

в) в санитарном надзоре за судами, прибывших из благополучных по... иностранных портов [19, л. 10]. Были же карантинные порты в Крыму такие: феодосийский, севастопольский, евпаторийский (Феодосийский округ) (117, л. 28). В общем же, по Черноморско-Азовскому региону, как известно, с принятием карантинного устава 1866 г., кроме кавказского региона, пограничная карантинная линия разделялась на 4 округа: Одесский, Феодосийский, Керченский и Кубейский с соответствующими карантинными учреждениями [3, с. 192].

Лишь 21 марта 1910 г. был принят закон «О введении новых штатов карантинных учреждений северного побережья Черного моря» (№33243). В нем, в частности, предписывалось: 1) установить прилагаемые при сем штаты морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря; 2) лиц, занимающих в карантинных учреждениях северного побережья Черного моря должности, подлежащие при введении в действие новых штатов упразднению, буде сии лица не получат нового назначения, оставить за штатом на общем основании; 3) комплектование карантинной стражи северного побережья Черного моря новобранцами прекратить, с постепенной заменой чинов означенной стражи санитарями и служащими врачебно-наблюдательных станций и пунктов, предоставив министру внутренних дел по соглашению с военным министром, срок и порядок окончательного упразднения сей стражи; 4) суммы, необходимые на наем плавучих средств, определять ежегодно в сметном порядке; 5) начало действия настоящего закона отнести к 1 января 1907 г. [20, с. 325-326].

Штаты морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря устанавливались следующие.

наименование	число	Содержание в год			всего одному	всего	Классы и разряды		
		жалования	столовых	квартирных			по должности	по шитью на мундир	по пенсии
Инспектор морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря	1	2000	2000	1000	5000	5000	V	V	По мед. пол.
I.Морские врачебно- наблюдательные станции	2	–	–	–	–	–			
1.Одесская Главный врач	Исполнение обязанностей Главного Врача возложено на Инспектора морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря								
Младшие врачи	3	680	680	340	1700	5100	VIII		По мед. пол.
Делопроизводитель	1	480	480	240	1200	1200	VIII		VI
Смотритель	1	360	360	180	900	900	IX		VII
Фельдшеры	3	420	–	–	420	1260			Мед. пол.
На вознаграждение переводчика, канцелярские расходы, ремонт, отопление и освещение зданий, медикаменты и дезинфекционные средства, содержание и продовольствие больных и прочие хозяйственные расходы						5000			
2.Феодосийская Главный врач	1	1200	1200	600	3000	VI	VI		По мед. пол.
Бактериолог и заведывающий	1	960	960	480	2400	2400	VII		

дезинфекцией									
Младшие врачи	2	680	680	340	1700	3400	VIII		
Делопроизводитель	1	480	480	240	1200	1200	VIII	VI	
Смотритель	1	360	360	180	900	900	IX	VII	
Фельдшеры	3	420	–	–	420	1260		По мед. пол.	
На вознаграждение переводчика, канцелярские расходы, ремонт, отопление и освещение зданий, медикаменты и дезинфекционные средства, содержание и продовольствие больных и прочие хозяйственные расходы								5000	
II. Морские врачебно-наблюдательные пункты в Очакове, Евпатории, Севастополе и Керчи	4	–	–	–	–				
Врачи, заведующие пунктами	4	800	800	400	2000	8000	VII	По мед. пол.	
Фельдшеры	4	420	–	–	420	1680			
На дезинфекционные средства и хозяйственные расходы					300	1200			
Жалованье санитарам и служащим врачебно-наблюдательных станций и пунктов и обмундирование их						29860			
Всего...						76360			

При этом Главному врачебному инспектору предоставляется, в случае надобности, временно командировать штатных чинов из одного врачебно-наблюдательного установления в другие. На одну из должностей санитаря и на одну из должностей служащего каждого врачебно-наблюдательного установления могут быть назначаемы женщины. При пунктах и станциях, в коих состояло более 1 фельдшера, одна из этих должностей могла быть заменена фельдшерицей.

Вознаграждение переводчикам следовало производить по утверждаемой министром внутренних дел таксе. Фельдшеры, санитары и служащие пользовались квартирою в натуре; квартиры остальным служащим, взамен производства им квартирных денег, следовало отводить в натуре при врачебно-наблюдательных установлениях по мере возможности.

Численный состав санитаров и служащих и оклады содержания этих лиц (не свыше 300 руб. для санитаров и 240 руб. для служащих в год) устанавливались Главным Врачебным Инспектором, по представлению Инспектора морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря [21, с. 149-150].

С окончательным оформлением новой системы антиэпидемиологической безопасности в регионе, 2 апреля 1908 г. был принят закон «О присвоении служащим и санитарам морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов

северного побережья Черного моря формы обмундирования, тождественной с установленной для такого же персонала Кавказского края» (№30216) [22, с. 168].

Прежде чем более детально рассмотреть организацию работ врачебно-наблюдательных станций региона, укажем, что в этот период важнейшим направлением их деятельности стало обслуживание всевозрастающего числа паломников мусульман. Причем число паломников, следующих по этим маршрутам, ежегодно возрастало. Из таких портов Черного моря, как Одесса и Севастополь, паломники отправлялись в Стамбул, где рассчитывали попасть на благотворительные пароходы султана или на бесплатные места, специально выделенные для малоимущих паломников на судах, следующих в Джидду. Из русских пароходств перевозкой паломников занимались «Русское общество пароходства и торговли», «Северное пароходство» и «Добровольный Флот». Но все же большая часть паломников перевозилась на пароходах иностранных компаний, главным образом, турецкой компанией «Хедивие» [23, с. 76].

С целью более четкой организации данного дела отправление мусульманских паломников предлагалось совершать только из одесского порта, а прием их, при возвратном движении, - в Феодосийском порту [23, с. 78]. Важным событием в организации процесса паломничества было назначение руководителем паломнического движения 13 марта 1908 г. Саид-Гани Саидазимбаева. Для упорядочения движения паломников Саидазимбаев планирует строительство специальных «туземных» вокзалов в Одессе, Феодосии и остановочно-продовольственных пунктов в 14 местах на пути паломничества [24, л. 21]. Он начинает хлопотать об улучшении условий переезда паломников к морю, не отличающуюся почти ничем от переезда по железным дорогам. К тому времени он получает от нескольких пароходных обществ предложение войти с ними в соглашение, но нашел возможным заключить такое соглашение лишь с «Добровольным Флотом». Саидазимбаев заключил договор с Комитетом «Добровольного Флота» об удобствах и срочности путешествий от Одессы до Джидды (ближайший порт от Мекки) и обратно до Феодосии. По данному договору едущим на пароходах «Добровольного Флота» должны были представить различные удобства, как например: срочность рейсов, снабжение продуктами продовольствия, разрешение к употреблению мусульманской религии, отдельные помещения для женщин, для исполнения религиозных обрядностей и омовений, бесплатная медицинская помощь с выдачей лекарств и проч.» [23, с. 79].

В этот период (лето 1908 г.) на Юге империи, свирепствует холера, а потому на местах вводятся специальные санитарные правила. В это же время появляется циркуляр, предписывавший перевозить паломников лишь на русских судах с русским флагом. Им отстранялись турецкие пароходы, перевозившие паломников дешевле [23, л. 80]. Жаловались и другие пароходства, в том числе российские. Саидазимбаев оправдывал свое сотрудничество с «Добровольным Флотом» тем, что именно пароходы этой кампании имели наиболее комфортабельные каюты для пассажиров. Следует указать, что Саид-Гани эфенди добился, чтобы для каждого паломника была выделена отдельная койка, предоставлялся в неограниченном количестве кипяток для чая, свежее мясо. Предполагалось, что на этих судах также будут функционировать молельные и врачебные комнаты. Кроме того, все, кроме еды, должно было быть бесплатным [23, с. 82].

Следует упомянуть и о том, что в конце 1809 – начале 1909 гг. вспыхнул громкий «скандал с пароходами «Евфрат», «Царица» и «Осборн» Русского Общества Пароходства и Торговли, куда не допускали журналистов, узнавших, в каких ужасных условиях привезли более 2000 паломников в Феодосию и т.д.

1910 г. выдался очень тяжелым для паломников: в России (в том числе и в Одессе) снова бушевала эпидемия холеры и чумы. Даже уважаемый депутат Г. Сыртланов был вынужден публично обратиться к мусульманам с советом воздержаться в этом году от поездки в Хиджаз. Ситуацию, как предполагается, несколько облегчало то, что в построенном в Одессе «жаджи-ханэ», на 300 чел., была баня и дезинфекционный аппарат «Гелиос» (для вещей и паломников) [23, с. 85]. Следует указать и на то, что обязательное постановление временного одесского генерал-губернатора от 9 августа 1908 г. обязало всех паломников жить только в этих помещениях, сдавать им другие помещения запрещалось [23, л. 86].

Как видим, в весьма непростых условиях пришлось начинать деятельность врачебно-наблюдательным станциям. Ведь кроме иных подходов к работе, по сравнению с карантинами, приходилось осваивать и новые формы отчетности. Так, к примеру, в таких пунктах составлялась недельная ведомость о судах, прибывших к определенному порту, например «к Евпаторийскому Карантинному порту с 1 января по 7 января 1907 г.» или же «К Феодосийскому карантинному порту... 1-7.01.1907 г.» [19, л. 2]. В них указывались суда «Прибывшие прямо из за границы паровые», начиная с Русского общества пароходства и торговли и русские коммерческие, далее военные, а также принадлежность судов по странам (английские, французские, германские, австрийские и т.д.); парусные – русские, турецкие, греческие, итальянские [19, л. 1].

По отношению к судам в соответствующих графах указывалось: прибыло, подвергнуто обсервации, направлено в карантин, заходило в порт отстояться, наименование судов по национальности, с каким патентом, число пассажиров и экипажа, с какими портами сообщались, какой груз или балласт, состояние здоровья людей и карантинные меры [19, л. 1 об.].

Кроме текущей документации, существовали и иные формы отчета. Так, 2 января 1908 г. инспектор морских врачебно-наблюдательных станций и врачебных пунктов Северного побережья Черного моря (Одесса) направил главному врачу Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции форму для составления годового отчета [25, л. 1].

Согласно же самого отчета Феодосийской станции в 1907 г. было принято и выпущено в практику 164 судов заграничного плавания. Больше всего прибывало в августе и сентябре. Из них 95 английские суда, но были и датские, греческие, итальянские, русские (11), турецкие, шведские, французские, норвежские, германские, австрийские, испанские, бельгийские. Всего на судах было команды 4536 чел., а пассажиров 11832 чел. (все паломники).

В отчетном году, в виду объявления неблагополучными по чуме портов Бассоры с 25 мая, Александрии и Порт Саида с 25 июня 1907 г, все прибывшие из означенных мест, а также из Джедды, в Феодосийский порт суда подвергались на основании Парижской международной санитарной конвенции, установленной этой конвенцией дезинфекции (всего 86 судов).

Истребление крыс в трюмах перечисленных выше пароходов, производилось посредством сжигания серы в особо приспособленных железных тазках (мангалы). Количество серы употреблялось по кубическому объему судов, полагая 1 ф. на 10 куб. метров. Все убитые серным газом крысы подвергались до 7 сентября сжиганию в паровых топках пароходов, после этого числа – патологоанатомическим и бактериологическим исследованиям в лаборатории Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции, в количестве 433 шт.

Кроме того, по случаю объявления угрожаемыми по холере портов Новороссийска и Ростова на Дону имевших на борту 1) пассажиров 2, команды 19 чел. и 2) пассажиров 30 человек и команды 30 чел. Подозрительных случаев и санитарных нарушений на этих пароходах не было замечено. Случаев обращения к врачам феодосийской станции за медицинской помощью со стороны экипажей иностранных теплоходов, при стоянке в Феодосийском порту, также не было.

В своем отчете главный врач станции отметил, что паломнические пароходы бывали обыкновенно переполнены «свыше установленной для них меры, иногда даже чересчур».

При этом санитарное состояние этих пароходов и господствующие на них порядки были ниже всякой критики: пароходы бывали «загрязнены до чрезвычайности, палубы покрыты толстым слоем скользкой грязи, помещения для больных в высшей степени не удовлетворительны и недостаточны и почти не снабжены ни медикаментами, ни дезинфекционными средствами»; отхожих мест было весьма недостаточно и они бывали неудобны и загрязнены до того, что пассажиры для удовлетворения естественных потребностей предпочитали как-нибудь обойтись и без этих мест; съестных припасов и даже хлеба бывало так недостаточно, что многие пассажиры хронически недоедали, а в некоторых случаях иногда и вовсе не получали никакой пищи, причем цены на все продукты были чрезмерно высоки. На иностранных судах даже вода стоила дорого.

Хотя на всех пароходах бывали врачи с греческими или с турецкими дипломами, но все они производили впечатление на служащих станции людей мало сведущих и совершенно неподготовленных для взятой им на себя роли, при том же они находились в полной зависимости и подчинении у судно-хозяев и администрации судна. Об этом станция составляла протоколы, но из-за Венецианской конвенции наказать ни капитанов ни судовладельцев было невозможно, из-за чего паломники прибывали в Феодосию сильно изнуренными, было много больных, особенно дизентерией, многие умирали в первый же день по доставлении в стационарную больницу, а некоторые даже за время высадки с парохода на берег. Некоторое число паломников доставлялось на Феодосийский рейд уже в виде трупов, иными словами – эти паломники умерли непосредственно перед заходом на рейд, так как умерших в открытом море там же и погребали.

Все сказанное относилось почти исключительно к иностранным пароходам, в особенности к греческим. Состояние русских судов с паломниками, по мнению главврача, удовлетворительное настолько, что «иностранные суда ни в какой степени быть сравнимаемы с ними не могут». Все больные пользовались исключительно в Станционной больнице, которая по условиям своим хотя и была далека от совершенства, но все же была оборудована настолько удовлетворительно, что больные «не терпели никакого стеснения и лишений, ни в смысле питания, ни в

смысле медицинской помощи и ухода за ними... при больнице состоял специальный врач и, кроме того, помогали и другие, свободные от прочих занятий врачи». Для ухода за больными, кроме фельдшеров, было 8 санитаров и 1 сиделка. Всего через больницу прошло 96 чел., из них 40 с дизентерией, умерло с дизентерией 32, всего умерло 52.

Общий ход осмотра и санитарных мероприятий в отношении паломников был таков: паломнические суда по прибытии останавливались на рейде напротив Станции, вне защитного мола; немедленно по остановке судна туда отправлялся дежурный врач, один или с другими свободными от занятий врачами, для первоначального опроса пассажиров и осмотра общего санитарного состояния судна, причем больные немедленно отделялись и высаживались на берег в первую очередь; затем пассажиры разделялись на несколько партий, руководствуясь их национальностью и местом происхождения, после чего партии высаживались одна за другой по очереди, доставшейся по жребию. По мере высадки тут же на берегу в особом здании у пассажиров отбирались для регистрации паспорта, а затем производился подробный медицинский осмотр каждого паломника, причем, конечно, больные и подозрительные отправлялись в больницу. После медицинского осмотра производилась разборка багажа пассажиров и подлежащее отправлялось на дезинфекцию в паровую камеру, сам же пассажир отправлялся в баню, где врачами вновь производился общий телесный осмотр; тут же при бане, в особой паровой камере, где дезинфицировалось белье и носильное платье пассажиров, которые по выходе из бани получали уже продезинфицированным свой багаж и отправлялись в отведенные им помещения.

Подвергшиеся за день указанные мероприятия пассажиры на следующее утро получали уже свободную практику в карантинном отношении, но все еще оставались в пределах станции, до прихода таможенных чиновников, которые тут же на станции производили установленный таможенный досмотр имущества пассажиров, после чего пассажиры выпускались в полную свободу и уходили в город и дальше.

Однако были и проблемы, о которых сообщалось неоднократно вышестоящему начальству. Станция была не вполне приспособлена для своей роли. Сложным было сообщение с судами из-за топографических и метеорологических условий – ветры, волнения моря. Тысячи пассажиров свозились на берег на гребных лодках, при этом промокали и пассажиры и багаж. Много было и желающих нажиться на паломниках, обуздать которых даже по положениям парижской конвенции оказалось сложно.

Средства для дезинфекции и других мер к началу паломничества отчетного года были настолько слабы, что инспектор морских врачебно-наблюдательных станций Северного побережья Черного моря вынужден был ходатайствовать перед высшим начальством об освобождении станции от применения их в полной мере. После того хозяйственными средствами Станции хотя и были сделаны кое-какие исправления и приспособления, но, конечно, в очень недостаточной степени. При этом отпуску специальных средств не было.

При преобразовании Феодосийского карантина в станцию была только большая территория, постройки оказались ветхие и разбросаны по территории; практически отсутствовал подвижной инвентарь – мебель, посуда, белье и прочее. Главное

богатство карантин – 3 дезинфекционных камеры были запущены, так что пришлось их капитально ремонтировать. За отчетный год было исправлено и запущено в дело все что можно. Приобретено нового имущества, мединструментов, белья и проч. на 1278 руб. 07 коп. Доставлено из Керчи имущества бывшего карантин на 3579 р.

Засыпали дороги, произвели мелкий ремонт зданий, отремонтировано – заразное отделение, древний фонтан Вардерес, лаборатория (старое здание развалили, начали строить новое), окурная №1 и №2, пассажирские здание с северной стороны, службы, пассажирские здание с южной стороны, церковь старая Св.Пятницы, бывший дом директора; кладовая, сарай и клозет на берегу, главный дом, баня и навес при ней, 4 транзитных амбара, здание гребной команды, всего на 13803 руб. 10 коп. [25, л. 7-21].

Для полноты картины приведем список штатных чинов Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции за 1907 г.: главврач статский советник М.Б. Аругюнов (начал службу на станции с 25 января 1907 г.); бактериолог и заведующий дезинфекцией надворный советник С.В. Констансов (начал службы на станции с 17 апреля 1907 г.); младшие врачи: коллежский ассессор Л.А.Руссен (начал службу на станции с 1 января 1907 г.), надворный советник А.Ф. Штупперих (начал службу на станции с 10 февраля 1907 г.), делопроизводитель и казначей надворный советник В.Т. Гордиенко (начал службу на станции с 1 января 1907 г.). Смотритель губернский секретарь Г.М.Риниери (начал службу на станции с 1 января 1907 г.). Фельдшера А.А.Лопатский (начал службы на станции с 1 июня 1907 г.), А.М.Шиченок с 1 января. Вольнонаемный переводчик и надзиратель за работами Н.Ф. Долженко (начал службу на станции с 1 января 1907 г.). Всего 9 чел.

Количество санитаров и служителей станции менялось по мере необходимости от 32 до 40 чел. [25, 22]

1908 г. также оказался весьма непростым в работе Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции. В этом году было много приобретено различного оборудования для станции, в том числе и причальные приспособления [26, л. 19]. Это было необходимо так как произошло много несчастных случаев при перевозке паломников с судов на берег (тонули). Чтобы хоть как уменьшить эти потери перед станцией поставили спасательные плоты соединенные тросами [24, л. 77]. От этого не спасала и постройка специально построенной пристани для паломников, акт осмотра и приема которой датирован 26 февраля 1908 г. [24, л. 31].

Следует упомянуть и о том, что в этом, 1908 г., станция содержала для опытов 140 морских свинок, 200 кроликов, мышей 500 и 16 крыс [26, л. 151].

Шла подготовка к строительству новых, специальных зданий. Так, известно, что уже в начале года Петербургским технико-строительным комитетом производилась детальная разработка зданий Феодосийской станции, в том числе и административного здания [24, л. 34]. С целью улучшения качества проектных работ 8 марта 1908 г. главврач собрал сотрудников, которые в письменном виде выработали свои пожелания для зданий станции [24, л. 45-45 об.]. Специально созданная для этой цели комиссия, насчитала строительных работ на общую сумму в 655191 р. 63 коп. [24, л. 96-97 об.]. Впрочем, далеко не все запроектированное было построено. Как известно, лишь 9 апреля 1912 г. был принят указ «Об отпуске из государственного казначейства средств на переустройство Феодосийской

морской врачебно-наблюдательной станции» (№36832). На это дело выделили 215 тысяч руб., в том числе в 1912 г. 150 тыс. руб. и в 1913 г. 100 тыс. руб. [27, с. 279].

А пока, станции приходилось в своей работе исходить из наличных средств и имущества. Особенно много в этом году сотрудниками станции было составлено протоколов о нарушениях Парижской конвенции, к примеру на турецком пароходе «Абдул-Кадир». Причинами к этому служили грязь на судах, неудовлетворительное размещение людей и т.д.; меньшее количество врачей и т.д. [14, л. 2-2 об.].

Стоит помнить о и том, что феодосийская и одесская станции руководили деятельностью Морских врачебно-наблюдательных пунктов в Очакове, Евпатории, Севастополе и Керчи, а также работой прочих мест в санитарно-эпидемиологическом плане. Так, к примеру, известно, что 6 сентября 1908 г. начальник Бердянского порта просил прислать ему различные циркуляры и указания по принятию судов из неблагополучных русских портов Таганрог, Мариуполь, Керчь [26, л. 137].

В последующие годы на феодосийскую врачебно-наблюдательную станцию было возложено еще больший объем деятельности. Так, в своем сообщении ее главврач сообщал, что «На основании своевременно опубликованного в Правительственном Вестнике распоряжения возвращающиеся из Мекки в будущем 1909 г. паломники должны проследовать через вверенную мне станцию» [26, л. 148].

Перед самой 1-й Мировой войной новая Парижская конференция 1912 г. установила новый текст Конвенции, действовавший повсюду до 1926 г. Эта последняя конвенция 1912 г. была ратифицирована уже советским правительством и опубликована в СССР в 1926 г. Как известно, все международные санитарные конференции, приведшие в результате своих работ к единой международной санитарной Конвенции 1912 г., имели своей общей целью борьбу с тремя инфекционными болезнями экзотического, заносного для Европы характера: чумой, холерой и желтой лихорадкой.

Все эти болезни имели своими обычными очагами внеевропейские страны – Индию, Африку, Южную и Центральную Америку. Поэтому основные участники санитарных конференций, т. е. европейские страны, в указанной выше конвенции 1912 г. установили две группы мероприятий, направленных главным образом для защиты Европы (в дальнейшем и Сев. Америки) от этих опасных заносных эпидемий. С одной стороны – это система мероприятий по взаимной информации всех стран о первых случаях появления на их территории какой-либо из этих болезней с последующим сообщением о ходе эпидемии; а с другой стороны – это система тех санитарных мероприятий на своих границах по отношению к прибывающим пассажирам и товарам, которые могут быть применены тем или иным правительством при вспышке эпидемии в соседних странах.

Формы и объем этих мероприятий строго ограничивались соответствующими статьями. Так как главная опасность заноса этих инфекций была связана с морскими путями сообщения, то основные мероприятия Конвенции обеспечивали именно охрану морских границ, и лишь частично – охрану границ сухопутных. Конвенция определяла допустимые к применению мероприятия в портах и на судах и те условия, при которых порты или морские суда могли считаться зараженными или подозрительными по инфекции.

Конвенция 1912 г. окончательно отменила систему карантин, введя вместо них методы изоляции больных, обсервации и врачебного наблюдения на сроки, соответствующие инкубационному периоду каждой из трех болезней, перечисленных в Конвенции, для тех лиц, которые входили в соприкосновение с больными, и наконец метод врачебного осмотра всех пассажиров.

Вместе с тем все эти меры могли быть применяемы по Конвенции только по отношению к тем «провенансам» (т. е. людям и товарам), которые прибывали из действительно пораженной местности, строго ограниченной ходом эпидемиологических вспышек; применение этих мер по отношению ко всей стране в целом, на территории которой имелись очаги инфекций, Конвенция не допускала.

Далее, по отношению к дезинфекции товаров и багажа устанавливались определенные правила, согласованные с современными данными гигиены в этой области. Наконец все эти меры точно детализировались по отношению к каждой из этих трех болезней: чуме, холере, желтой лихорадке.

Вторая часть Конвенции 1912 г. дает постатейный регламент особого режима Красного моря и его портов, деятельности Египетского и Константинопольского сан. советов и режима Персидского залива. Применение Конвенции 1912 г., как и предшествовавших конвенций, внесло определенный порядок в международную практику охраны границ и ликвидировало ряд старых стеснительных мер.

В завершении рассмотрения правовых и организационных мероприятий по санитарно-эпидемиологической охране Черноморско-Азовского региона на кануне Первой Мировой войны приведем личный состав морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов Северного побережья Черного моря и Кавказа [28].

Личный состав морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов
Северного побережья Черного моря.

	Годь рождения	Годь окончания курса	Ученая степень	Время определения на службу	Время назначения на занимаемую ныне должность
Инспекторь Д. С. С. Мих. Мих. Тарановъ	1860	1888	Л.	17 февр. 1890 г.	4 март. 1913 г.
Врачебно-наблюдательныя станціи					
<i>Одесская</i>					
Младшіе врачи:					
К. С. Иосифъ Ник. Стефановичъ	1852	1880	Л.	9 дек. 1880 г.	1 янв. 1907 г.
К. С. Сем. Леонт. Федоровскій	1865	1893	Л.	28 дек. 1893 г.	24 окт. 1913 г.
Н. С. Викт. Ал-др. Соколовъ	1874	1901	Л.	11 июня 1903 г.	1 янв. 1907 г.
<i>Θеодосійская</i>					
Гл. вр. Д. С. С. Кесарь Ал-др. Бѣлиловскій	1859	1884	Д.	4 окт. 1885 г.	28 янв. 1913 г.

Младшіе врачи:

Н. С. Петръ Митроф. 1875 1901 Л. 1 февр. 1902 г. 11 апр. 1913 г.
Терскій

К. А. Мих. 1877 1908 Л. 23 дек. 1908 г. 11 март. 1911 г.
Ив. **Никольскій**

Зав. дезинфекц. камер.

К. С. Сем. Влад. 1869 1893 Л. 18 мая 1898 г. 1 апр. 1907 г.

Констансовъ

Врачебно-наблюдательные пункты

Евпаторійскій

Зав. С. С. Конст. Ник. 1857 1884 Л. 20 февр. 1885 г. 1 март. 1907 г.
Дьяконовъ

Керченскій

Зав. Н. С. Юганъ 1863 1894 Л. 3 мая 1904 г. 1 янв. 1907 г.
Вильг. **Детлофъ**

Очаковскій

Зав. К. А. Влад. Аркад. 1876 1902 Л. 21 апр. 1906 г. 23 апр. 1913 г.
Калучинъ

Севастопольскій

Зав. С. С. Ал-дръ Петр. 1852 1879 Л. 6 іюля 1880 г. 1 янв. 1907 г.
Карповъ

Личный составъ морскихъ и сухопутныхъ врачебно-наблюдательныхъ станцій и пунктовъ на Кавказе.

	Годъ рожденія	Годъ окончанія курса	Ученая степень	Время опредѣленія на службу	Время назначенія на занимаемую нынѣ должность
Морскія станціи					
<i>Астаринская</i>					
Зав. С. С. Оома Ив. Краевскій	1858	1896	Л.	26 іюля 1896 г.	5 март. 1909 г.
<i>Бакинская</i>					
Гл. вр. С. С. Алекс. Алекс. Родіоновъ	1862	1888	Л.	13 іюля 1888 г.	1 янв. 1902 г.
Младшіе врачи:					
С. С. Леоп. Вильг. Бартольдъ	1864	1891	Л.	12 февр. 1892 г.	14 іюня 1906 г.
К. С. Вяч. Евг. Ивановъ	1875	1900	Л.	25 ноябр. 1900 г.	12 авг. 1905 г.
<i>Батумская</i>					
Гл. вр. Венед. Петр. Шапошниковъ	1866	1890	Л.	17 мая 1891 г.	3 іюля 1911 г.
Младшіе врачи:					

К. С. Дав. Мих. Кузятинь	1858	1881	Л.	13 дек. 1881 г.	2 янв. 1902 г.
Махмудь-бекъ Эфенди-заде Эфендіевъ	1879	1909	Л.	20 мая 1909 г.	18 янв. 1912 г.
<i>Ленкоранская</i>					
Зав. Н. С. Самуиль Цемах. Вольпе	1863	1892	Л.	31 янв. 1905 г.	5 март. 1909 г.
<i>Новороссійская</i>					
Зав. С. С. Ник. Ив. Орловъ	1863	1888	Л.	23 окт. 1889 г.	16 авг. 1913 г.
<i>Петровская</i>					
Зав. Петръ Степ. Лебединскій	1871	1894	Л.	18 дек. 1894 г.	12 авг. 1904 г.
<i>Потійская</i>					
Зав. С. С. Левъ Сем. Теръ-Степановъ	1850	1879	Л.	11 окт. 1881 г.	16 авг. 1913 г.
<i>Сухумская</i>					
Зав. Т. С. Евг. Як. Руссо	1881	1907	Л.	4 янв. 1908 г.	30 ноябр. 1910 г.
Врачебно-наблюдательные пункты					
<i>Белясуварскій</i>					
Зав. К. А. Тимоф. Дм. Алшибая	1878	1904	Л.	13 авг. 1904 г.	26 авг. 1911 г.
<i>Джюльфинскій</i>					
Зав. К. А. Як. Георг. Мирзоевъ	1872	1902	Л.	11 мая 1907 г.	1 дек. 1910 г.
<i>Караурганскій</i>					
Зав. С. С. Вас. Мих. Филимоновъ	1855	1882	Л.	17 сент. 1887 г.	30 ноябр. 1910 г.
<i>Ольтинскій</i>					
Зав. Ал-дръ Ив. Капланъ	1862	1886	Л.	26 іюля 1910 г.	25 окт. 1912 г.
<i>Орджохскій</i>					
Зав. Ал-дръ Ник. Ляховъ	1881	1910	Л.	12 мая 1912 г.	12 мая 1912 г.
<i>Худоферинскій</i>					
Зав. К. С. Игн. Конст. Конаржевскій	1866	1894	Л.	1 сент. 1897 г.	1 март. 1908 г.
<i>Шарурскій</i>					
Зав. Ив. Як. Гокіеловъ	1858	1887	Л.	5 іюня 1889 г.	17 мая 1911 г.

Красноводская врачебно-наблюдательная станция

Зав. С. С. Ник. Ник. 1848 1886 Д. 1 февр. 1887 г. 1 янв. 1910 г.
Макшеев

Начало 1-й Мировой войны привело к прекращению деятельности торгового судоходства в регионе. Порты в основном обслуживали военные и каботажные суда, а потому деятельность врачебно-наблюдательных станций и пунктов была далека от своего прямого назначения.

В ходе же гражданской войны быстро сменяющиеся местные власти редко уделяли внимание развитию этих учреждения. Однако, как известно, согласно журналу заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине (№ 88 23 августа 1919 г.), под председательством: В. Н. Челишева, слушалось представление начальника Управления внутренних дел об утверждении штата Новороссийской морской врачебно-наблюдательной станции.

Было решено предоставленный проект штата Новороссийской морской врачебно-наблюдательной станции одобрить и ассигновать в распоряжение начальника Управления внутренних дел из общих средств Государственного казначейства на содержание в течение пяти месяцев (с 1 августа 1919 г. по 1 января 1920 г.) Новороссийской врачебно-наблюдательной станции восемьдесят четыре тысячи пятьсот шестьдесят два (84 562) рубля 50 копеек, в том числе:

- 1) на содержание штатного личного состава – 13 625 руб.;
- 2) на содержание вольнонаемных служащих – 42 750 руб.;
- 3) на хозяйственные расходы – 28 187 руб. 50 коп. [29, л. 229-230 об.].

Дальнейшее развитие врачебно-наблюдательных станций и пунктов в регионе происходило уже в советский период.

Таким образом, основными нормативными актами регулировавшими деятельность врачебно-наблюдательных станций и постов стали указ от 4 марта 1887 г. о упразднении Редуткальской карантинно-таможенной заставы, указ от 27 декабря 1893 г. о упразднении Петровского карантинно-таможенного поста, указ от 8 июня 1901 г. «По проекту штата пограничных врачебно-наблюдательных пунктов и станций Кавказского края». 20 ноября / 3 декабря 1903 г. была заключена Парижская Международная Санитарная Конвенция, во исполнение решений которой 21 марта 1910 г. приняты законы «О введении новых штатов карантинных учреждений северного побережья Черного моря», 2 апреля 1908 г. «О присвоении служащим и санитарам морских врачебно-наблюдательных станций и пунктов северного побережья Черного моря формы обмундирования, тождественной с установленной для такого же персонала Кавказского края»; 9 апреля 1912 г. «Об отпуске из государственного казначейства средств на переустройство Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции». Перед самой 1-й Мировой войной новая Парижская конференция 1912 г. установила новый текст Конвенции, действовавший повсюду до 1926 г. Эта последняя конвенция 1912 г. была ратифицирована уже советским правительством и опубликована в СССР в 1926 г.

Список использованных источников и литературы:

1. Змерзлий Б.В. Створення карантинних установ в Криму в кінці XVIII – початку XIX ст.) / Б.В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – №1. – С. 18-23.
2. Змерзлий Б.В. Приватні карантини в інституті карантинної служби Російської імперії в XIX ст., на прикладі Сулінського карантину / Б.В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – №2. – С.10-14.
3. Змерзлий Б.В. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии) / Б.В. Змерзлий, Е.О. Воронина. – Симферополь, 2014. – 261 с.
4. Воронина Е. О. Создание и развитие государственной карантинной службы в Российской империи в начале XIX в. / Е. О. Воронина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2010. – № 1. – Том 25 (64) – С. 216–224.
5. Воронина Е. О. Карантинные меры в бассейнах Балтийского и Белого морей Российской империи в XIX начале XX вв. / Е. О. Воронина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2012. – № 2. – Том 25 (64) – С. 302–310.
6. Воронина Е. О. Создание карантинных учреждений в Бессарабии в конце XVIII – XIX вв. / Е. О. Воронина // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. Випуск 20. Частина II. Том. 1. – 2012. – С. 17-21.
7. Воронина Е. О. Створення інституту внутрішньої карантинної варті у Російській імперії / Е. О. Воронина // Часопис Київського університету права. – 2012. – № 3. – С. 32–35.
8. Воронина Е. О. Діяльність Керченського карантинного округу в другій половині XIX – початку XX ст. / Е. О. Воронина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2013. – № 1. – Том 25 (64) – С. 302–310.
9. Воронина Е.О. Підготовка й ухвалення карантинного статуту 1866 р. / Е. О. Воронина // Наукові читання присвячені пам'яті Володимира Михайловича Корецького. Збірник наукових праць. – 2013. – №6. – С.152–157.
10. Воронина Е. О. Организация и деятельность карантинных учреждений в Сибири и Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. / Е. О. Воронина // «Національна правова система в умовах формування європейського правового простору : збірник матеріалів Міжнародної юридичної науково-практичної Інтернет - конференції «Актуальна юриспруденція», м. Київ, 10 жовтня 2012 р. Тези наукових доповідей. – К., 2012. – 316 с. (с. 13–19).
11. Воронина Е. О. Международное сотрудничество России в деле борьбы с эпидемиологическими заболеваниями в конце XIX – начале XX в. / Е. О. Воронина // Пріоритети розвитку юридичних наук у XXI столітті : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, Україна, 16–17 листопада 2012 р.). – у 2-х частинах. – Одеса : «Причорноморська фундація права», 2012. – Ч. I. – 116 с.
12. Воронина Е. О. Учреждение карантина на острове Сескар, как основа для создания карантинной службы в Российской империи / Е. О. Воронина // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и права Юго-Восточного Крыма : мат. V-й межд. науч. конф. (Новый Свет, Украина, 6–7 октября 2012 г.). – Симферополь; Новый Свет, 2013. – 284 с.
13. Воронина Е. О. Становлення та розвиток інституту карантинної варті у Криму у першій половині XIX ст. / Е. О. Воронина // Публічне і приватне право: проблеми методології теорії та практики : збірник матеріалів Міжнародної юридичної науково – практичної Інтернет конференції (м. Київ, Україна, 14 травня 2013 р.). – Тези наукових доповідей. – К., 2013. – 248 с. (с. 18 – 22).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VII. 1887. – СПб., 1889. – 533 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIII. 1893 г. – СПб., 1897. – 708 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVI. 1896 г. – СПб., 1899. – 823 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. 1901 г. Отделение 1. – СПб, 1903. – 1265 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905 г. Отделение 1. – СПб, 1908. – 966 с.

19. Государственный архив республики Крым (ГАРК), ф. 244, оп. 1, д. 7. Недельные ведомости о судах, прибывших к Евпаторийскому и Феодосийскому портам. Отчет о состоянии и деятельности Феодосийского карантинного пункта за 1906 г. 1.01.-28.03.1907 г.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXX. 1910 г. Отделение 1. – СПб, 1913. – 1408 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXX. 1910 г. Отделение 2. – СПб, 1913.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVIII. 1908 г. Отделение 1. – СПб, 1911. – 1008 с.
23. А.Т.Сибгатуллина. «Дело» Саидазимбаева – руководителя мусульманского паломнического движения из России // Научный Татарстан. – №1, 2009. – С. 76-89.
24. ГАРК, ф. 244, оп. 1, д. 13. О ремонте и переустройстве помещений станции. 1908 г. 108 л.
25. Там же, ф. 244, оп. 1, д. 9. Сведения к годовому отчету о деятельности станции за 1907 г. 12.02-27.11.1908 г. 37 л.
26. Там же, ф. 244, оп. 1, д. 8. Переписка по разным предметам (счета на содержание бактериологической станции. Сведения о паломниках и др.). 4.1.-28.03.1908 г.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXII. 1912 г. Отделение 1. – Петроград, 1915. – 1790 с.
28. Российский медицинский список на 1914 год. – Изд-во: Управление Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, Типография Министерства внутренних дел (СПб), 1914. – 1132 с.
29. Журналы заседаний – Страница 1 [История России](#). Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине № 88 23 августа 1919 г. ГА РФ. Ф. Р-439, оп. 1, д. 89, л. 229-230 об.

Les Georgi. Istoriko-legal pre-conditions of becoming of the system of the vrachebno-nablyudatel'nykh stations in the black Sea region at the beginning of 20 c. // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 1 (67). № 2. – P. 92 – 112.

Specified in-process, that by basic normative acts regulating activity of the vrachebno-nablyudatel'nykh stations and post-modernisms became decree from March, 4, 1887 about abolition of Redutkal'skoy of quarantine-custom outpost, decree from December, 27, 1893 about abolition of Petrovskogo of quarantine-custom post-modernism, decree from June, 8, 1901 «On the project of the state of boundary vrachebno-nablyudatel'nykh points and stations of the Caucasian edge». on November, 20 / on Parisian International Sanitary Convention was Decembers, 3, 1903 celled, to execute of decisions of which on laws are March, 21, 1910 accepted «About introduction of the new states of quarantine establishments of north coast of the Black sea», on April, 2, 1908 «About an appropriation servants and hospital attendants of the marine vrachebno-nablyudatel'nykh stations and points of north coast of the Black sea of form of uniform, identical with set for the same personnel of the Caucasian edge»; on April, 9, 1912 «O vacation from the state treasury of facilities on reorganization of the Feodosiyskoy marine vrachebno-nablyudatel'noy station». Before 1th World war the new Parisian conference 1912 set new text of Convention, operating everywhere 1926 to Eta the last convention 1912 was ratified already a soviet government and published in the USSR in 1926.

Keywords: laws, conventions, vrachebno-nablyudatel'nye points and stations, quarantines, Black sea.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literatury:

1. Zmerzlyy B.V. Stvorennaya karantinnih ustanov v Krimu v kintsi XVIII – pochatku XIX st.) / B.V. Zmerzlyy // Chasopis Kiyivskogo universitetu prava. – 2012. – №1. – S. 18-23.
2. Zmerzlyy B.V. Privatni karantini v instituti karantinnoyi sluzhbi Rosiyskoyi imperiyi v HIIH st., na prikladi Sulinskogo karantinu / B.V. Zmerzlyy // Chasopis Kiyivskogo universitetu prava. – 2012. – №2. – S.10-14.
3. Zmerzlyy B.V. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatelnosti karantinnykh uchrezhdeniy v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoy gubernii) / B.V. Zmerzlyy, E.O. Voronina. – Simferopol, 2014. – 261 s.